

Иван Лапиков, сын крестьянский

За дверью кинопавильона происходило священнодействие: снимался эпизод будущего фильма, в котором был занят мой земляк киноартист Иван Лапиков. Возле скамьи, осторожно ступая, прохаживался администратор, дожидаясь момента, чтобы войти и сказать Лапикову обо мне. А я сидел тише воды, ниже травы в гулком, полуотомном мосфильмовском коридоре, перечитывал вырезки из многочисленных газет и журналов, где говорилось о таланте Лапикова, и в который раз задавал себе вопрос: в чем же секрет его дарования?

Редким артистам критики единодушно адресовали такие слова:

«Не часто слава — настоящая, большая, прочная слава — приходит к киноактеру после одной удачно исполненной роли. Еще более редко одна роль актера позволяет критике сделать уверенный вывод, что в искусство пришел человек незаурядного дарования...»

«Мастерство перевоплощения Лапикова делает его актером, способным глубоко обнажать корни непростых характеров. Такого актера мы давно не видели на киноэкране».

«В какой бы роли ни выступал Лапиков, он всегда скрывает целые жизненные пласты, решает большие нравственные вопросы. Раскрывая трудные судьбы своих героев, Лапиков неуклонно ведет свою главную линию — линию правды, ясной, честной до конца...»

Мы хорошо знаем и помним его героев с трудными судьбами: Гаврила в «Непрошеной любви», снятой по рассказу М. Шолохова, Семен Трубников в «Председателе», Егор в «Доме и хозяйне», солдат Кошкин в «Пяти днях отдыха». Мы помним и созданные артистом эпизодические характеры. Одним фильмам суждена большая и долгая жизнь, другие быстро покидают экран, но даже в этих недолговечных картинах созданное Лапиковым остается в памяти. В чем же сила его дарования?

Размышляя над этим вопросом, я вспоминал свои встречи с Лапиковым. Встречи на театральной сцене и на берегу Волги, в кругу друзей, вспоминал его путь в искусство.

— Семья была большая, — рассказывал отец Лапикова, Герасим Васильевич. — Детям приходилось смышляться переживать нужду. Земля у нас на Волге трудная, большим потом давался кусок хлеба.

Дом Лапиковых еще и сейчас стоит на тихой улице, на взгорье в селе Балыклей, которое после постройки Волжской гидростанции оказалось на морском берегу. С порога этого дома, заколотив наглухо окна, Лапиковы уходили искать «счастливую землю». Герасим Васильевич в тринадцатом году дошел до самой Сибири и только позже, в окопах империалистической войны, понял, что зря он искал «счастливую землю»: счастье надо добывать другим путем. Этим путем была революция...

— После гражданской вернулся в Балыклей, и земле. Товарищество образовали, коммуна. А тут ударила засуха, пошло и хлеб, и даже траву. Пошли, и та стала, как проволока. — Герасим Васильевич долго

молчит, смотрит задумчиво на строящийся городской квартал. — Словами теперь и не расскажешь, какая жизнь прожил...

Словами действительно рассказать о всей оставленной за плечами жизни трудно. Свой деревенский дом Герасим Лапиков опять заколачивал и опять уходил по пыльной степной дороге: работал на Волге, на заводе подручным сталевара. И опять возвращался под родную крышу.

— Понимало нас по миру, — Герасим Васильевич говорит тихо, словно вся его нелегкая жизнь и судьба снова подступает к сердцу. У него мягкие, добрые и пристально всматривающиеся в человека глаза; а ведь шел ему, когда мы увиделись, восьмой десяток.

Такие же глаза у его младшего сына, Ивана: доверчиво-детские, добрые и умеющие останавливаться и строго всматриваться в окружающую жизнь. Честные глаза: они одаряют теплом порядочного человека и беспощадно обнажают ловкача.

— Жизнь отца и моих родных — вот и весь мой творческий материал, — говорил Иван Герасимович однажды в беседе об актерском искусстве. — Я люблю играть правдивые характеры, пусть даже они будут второстепенными в пьесе или сценарии, с двумя фразами или совсем без слов. Но только по правде...

Мне вспомнилось, как начал Лапиков свою актерскую жизнь: после театральной студии его зачислили в труппу Волгоградского драматического театра. Тогда здесь играли многие артисты с именами. Долгое время новый молодой актер «работал» за сценой. Приходил в театр и стоял за кулисами. Ходил аккуратно каждый день, оживая, когда режиссер все-таки обратит на него внимание.

В одном из спектаклей случайно «повернулся» эпизод. Заняли Лапикова — на разовый выход. Он вышел на этот «разовый», сыграл проходную роль с одной фразой и... пошел в большое искусство. Но не так просто, как кажется.

Мое знакомство с ним состоялось в начале пятидесятых годов. Руковоливший тогда Волгоградским театром Фирс Ефимович Шишигин поставил «На дне». Лапиков играл Актера. Помню, была холодная осень. По огороженным заборами пустырям, в коробках строящихся домов, наметивших очертания будущих улиц города, свистел ветер, поливал дожди. На спектакле были усталые, промерзшие на стройке люди: они только недавно восстановили здание театра.

Спектакль шел своим чередом. И вдруг что-то случилось: в зале настала такая чуткая и напряженная тишина, когда слышно даже дыхание соседа. А соседом моим был молодой парень с обветренным лицом, в гимнастерке, на которой еще сохранились следы погон. Он весь словно бы напряжился, сжав руки. И весь зал застыл, прикованный к сцене. Там актер произносил монолог, глуховатым голосом, в котором была пронизывающая душу безысходность и обреченность отнимающего мира, обнаженного Горьким. Монолог шел без малейшего нажима, без всякой театральной аффектации.

Артист умолк, а тишина — накаленная тишина, — все еще

сбивалась как бы оглушенный зал. Так я впервые увидел артиста Лапикова. И до сих пор запомнил ту тишину в зале — тишину особую, в которой происходит соединение жизни и искусства. Аплодисменты огрели и забылись. А вот тишина засела в памяти и в сердце, сказала многое, главное: сказала, что исполнитель эпизодических ролей Иван Лапиков талантлив.

Через некоторое время тот же режиссер взял к постановке пьесу местного драматурга «Отец и сын». На пьесе лежал заметный налет сентиментальной мелодрамы. Шишигин силой своего мастерства постарался приподнять спектакль, придать личной драме общественное звучание, преодолеть мелодраматизм. Все же трудно было вылепить характеры. Но в оценке одного образа в спектакле (спектакль вывозился на гастроли в города России и Украины) критика повсюду была единодушна: образа колхозного чабана Захарыча, которого играл Иван Лапиков.

Вот что тогда писали газеты:

«Из актерских работ прежде всего хочется отметить И. Лапикова (чабан колхоза). Сутуловатый, нескладный старичок, полон внутренней молодости и энергии. Он с первого появления на сцене завоевывает симпатии зрителей» (Харьков). «Колоритен образ колхозного чабана в своеобразном исполнении артиста И. Лапикова. Нашему зрителю много раз приходилось видеть на сцене стариков: как правило, они мало чем отличались друг от друга. Артист Лапиков нашел свой ключ — он не в театральности, а в достоверности образа» (Ростов).

Были новые спектакли и новые работы — не крупные по масштабности роли, но тем сложнее было артисту. Он играл строителей, колхозников, сыграл даже Паулюса в одной пьесе о Сталинградской битве. И этого его Паулюса я тоже запомнил до сих пор: полутемная сцена, позднейший день января, подвал универмага и скромный немецкий фельдмаршал — его сутулые плечи, серое лицо, застывший, обреченный взгляд. Это был тоже эпизодический образ, но он стоит перед глазами еще и сейчас, и не у одного меня, у многих волгоградцев, видевших тогда Лапикова совсем в необычной для него роли.

Потом Лапикова стали почему-то занимать реже: уехал в Воронеж Фирс Ефимович, умер сменивший его Николай Александрович Покровский. В театре произошли перемены.

Однажды я увидел Лапикова на берегу Волги, одетым в солдатскую форму. Он стоял и курил дешую сигаретку рядом с другим эпизодическим артистом своего театра — Иннокентием Смоктуновским. Снимался фильм «Солдаты». Смоктуновский сыграет в нем Фарбера и прочно войдет в искусство. Время Лапикова было еще впереди.

Между тем сезон от сезона складывался в театре так, что Лапикову почти нечего было играть. Кое-кто из блиставших тогда исполнителей главных ролей поговаривал: Лапиков достиг потолка, все, что мог, он сделал, но диапазон его ролей узок, и, естественно, начался актерский спад, тупик. Выводы делали безапелляционно: чу-

жой творческой судьбе проще простого вынести приговор. «Узок диапазон» — и все. И сиди без ролей или уходил.

Немудрено было надомнить, дрогнуть. Только вера в свои силы могла спасти да верные товарищи. Одажды в начале шестидесятых годов мы увиделись в редакции в Волгограде. Лицо у Лапикова — худое и сухое — совсем осунулось. Он нервно курил, но не показывал ни своей расстроенности, ни озабоченности. Но было видно, что думает он об одном: как же быть дальше? Судьба складывалась сложно.

Потом встретились на шумной улице. Остановил, взволнованный, куда-то спешащий:

— Еду в Москву.

— В командировку?

— Нет. На свой страх и риск. — И блеснул беспокойными, но по-прежнему добрыми и пристальными, умными глазами.

Спустя некоторое время снова случайная встреча в городе. У меня неволью что-то дрогнуло в душе: неужели неудача? Но он долго смотрел своим знакомым, останавливающимся взглядом, вздохнул:

— Снимаюсь. А про остальное, что было, долго рассказывать. Теперь снимаюсь. Две серии. Брата председателя играю в сценарии Нагибина. Что выйдет? — И замолчал.

А вскоре мы увидели «Председателя», и о Лапикове дружно стали писать, что редко встречается в искусстве такой артист, к которому настоящая, большая, прочная слава приходит после одной удачно исполненной роли.

Только он один знал, что стоил путь к этой «одной, удачно исполненной роли» Семена Трубникова.

— Я этих Семенов видал и перевидал в жизни, — скажет он в одной беседе с кинокритиками и задумается.

И, наверное, перед его глазами встанет обдуваемый всеми ветрами крестьянский отцовский дом на полном берегу, и вся жизнь лапиковской семьи, в том числе и собственная.

Вышел из съемочного павильона энергичный, возбужденный — в кожанке, стошанных сапогах, старой гимнастерке (играл чеклиста). Иван Лапиков... Заслуженный артист РСФСР...

Потом, после нестройных воспоминаний о городе, театре, о судьбах знакомых людей, спросил совсем тихо:

— Ну, а Волга-то как живет?

И наголо задумался, замолчал. Прошаряя, сказал:

— Корни мои там. Балыклей, тракторный, Волга...

Виктор ДРОБOTOV.
Волгоград — Москва.

«Сов. Россия» 14 ноября 1980

Иван Лапиков, сын крестьянский

За дверью кинопавильона происходило священнодействие: снимался эпизод будущего фильма, в котором был занят мой земляк киноартист Иван Лапиков. Возле скамьи, осторожно ступая, прохаживался администратор, дожидаясь момента, чтобы войти и сказать Лапикову обо мне. А я сидел тише воды, ниже травы в гулком полутемном мосфильмовском коридоре, перечитывая вырезки из многочисленных газет и журналов, где говорилось о таланте Лапикова, и в который раз задавал себе вопрос: в чем же секрет его дарования?

Редким артистам критики единодушно адресовали такие слова:

«Не часто слава — настоящая, большая, прочная слава — приходит к киноактеру после одной удачно исполненной роли. Еще более редко одна роль актера позволяет критике сделать уверенный вывод, что в искусство пришел человек незаурядного дарования...»

«Мастерство перевоплощения Лапикова делает его актером, способным глубоко обнажать корни простейших характеров. Такого актера мы давно не видели на киноэкране».

«В какой бы роли ни выступал Лапиков, он всегда вскрывает целые жизненные пласты, решает большие нравственные вопросы. Раскрывая трудные судьбы своих героев, Лапиков неуклонно ведет свою главную линию — линию правды, ясной, честной до конца...»

Мы хорошо знаем и помним его героев с трудными судьбами: Гаврила в «Непрошеной любви», снятой по рассказу М. Шолохова, Семен Трубников в «Председателе», Егор в «Доме и хозяине», солдат Кошкин в «Пяти днях отдыха». Мы помним и созданные артистом эпизодические характеры. Одним фильмам суждена большая и долгая жизнь, другие быстро покидают экран, но даже в этих недолговечных картинах созданное Лапиковым остается в памяти. В чем же сила его дарования?

Размышляя над этим вопросом, я вспоминал свои встречи с Лапиковым. Встречи на театральной сцене и на берегу Волги, в кругу друзей, вспоминал его путь в искусство.

— Семья была большая, — рассказывал отец Лапикова, Герасим Васильевич. — Детям приходилось сизмалства переживать нужду. Земля у нас на Волге трудная, большим потом давался кусок хлеба.

Дом Лапиковых еще и по сей час стоит на тихой улице, на взгорье в селе Балыклей, которое после постройки Волжской гидростанции оказалось на морском берегу. С порога этого дома, заколотив наглухо окна, Лапиковы уходили искать «счастливую землю». Герасим Васильевич в тринадцатом году дошел до самой Сибири и только позже, в окопах империалистической войны, понял, что зря он искал «счастливую землю»: счастье надо добывать другим путем. Этим путем была революция...

— После гражданской вернулся в Балыклей, и земле. То варищески образовали, коммуны. А тут ударила засуха, помогло и хлеб и даже траву. Полив, и та стала как приволока. — Герасим Васильевич долго

молчит, смотрит задумчиво на строящийся городской квартал. — Словами теперь и не расскажешь, какая жизнь прожитая.

Словами действительно рассказать о всей оставленной за плечами жизни трудно. Свой деревенский дом Герасим Лапиков опять заколачивал и опять уходил по пыльной степной дорожке: работал на Волге, на заводе подручным сталевара. И опять возвращался под родную крышу.

— Понимало нас по миру, — Герасим Васильевич говорит тихо, словно вся его нелегкая жизнь и судьба снова подступает к сердцу у него мягкие, добрые и пристально всматривающиеся в человека глаза: а ведь шел ему, когда мы увиделись, восьмой десяток.

Такие же глаза у его младшего сына, Ивана: доверчиво-детские, добрые и умеющие останавливаться и строго всматриваться в окружающую жизнь. Честные глаза: они одаряют теплом порядочного человека и беспощадно обнажают ловкача.

— Жизнь отца и моих родных — вот и весь мой творческий материал, — говорил Иван Герасимович однажды в беседе об актерском искусстве. — Я люблю играть правдивые характеры, пусть даже они будут второстепенными в пьесе или сценарии, с двумя фразами или совсем без слов. Но только по правде...

Мне вспомнилось, как начинал Лапиков свою актерскую жизнь: после театральной студии его зачислили в труппу Волгоградского драматического театра. Тогда здесь играли многие артисты с именами. Долгое время новый молодой актер «работал» за сценой. Приходил в театр и стоял за кулисами. Ходил аккуратно каждый день, оживая, когда режиссер все-таки обратит на него внимание.

В одном из спектаклей случайно «повернулся» эпизод. Заняв Лапикова — на разовый выход. Он вышел на этот «разовый», сыграл проходную роль с одной фразой и... пошел в большое искусство. Но не так просто, как кажется.

Мое знакомство с ним состоялось в начале пятидесятых годов. Руковоливший тогда Волгоградским театром Фирс Ефимович Шишигин поставил «На дне». Лапиков играл Актера. Помню, была холодная осень. По огороженным заборами пустырям, в коробках строящихся домов, наметивших очертания будущих улиц города, свистел ветер, поливали дожди. На спектакле были усталые, промерзшие на стройке люди: они только недавно восстановили здание театра.

Спектанль шел своим чередом. И вдруг что-то случилось: в зале настала такая чуткая и напряженная тишина, когда слышно даже дыхание соседа. А соседом моим был молодой парень с обветренным лицом, в гимнастерке, на которой еще сохранились следы логот. Он весь словно бы напряжился, сжав руки. И весь зал застыл, прикованный к сцене. Там Актер произносил монолог: глуховатый голосом, в котором была пронизывающая душу безысходность и обреченность отживающего мира. Обнаженный Горьким. Монолог шел без малейшего намёка, без всякой театральной аффектации.

Артист умолк. А тишина — наваленная тишина, — все еще

сковывала как бы оглушенный зал. Так я впервые увидел артиста Лапикова. И до сих пор запомнил ту тишину в зале — тишину особую, в которой происходит соединение жизни и искусства. Аплодисменты отгремели и забылись. А вот тишина засела в памяти и в сердце, сказала многое, главное: сказала, что исполнитель эпизодических ролей Иван Лапиков талантлив.

Через некоторое время тот же режиссер взял к постановке пьесу местного драматурга «Отеп и сын». На пьесе лежал заметный налет сентиментальной мелодрамы. Шишигин силой своего мастерства постарался придать спектаклю, придать личной драме общественное звучание, преодолеть мелодраматизм. Все же трудно было вылепить характеры. Но в оценке одного образа в спектакле (спектакль вывозился на гастроли в города России и Украины) критика повсюду была единодушна: образа колхозного чабана Захарыча, которого играл Иван Лапиков.

Вот что тогда писали газеты:

«Из актерских работ прежде всего хочется отметить И. Лапикова (чабан колхоза). Сутуловатый, нескладный старичок полон внутренней молодости и энергии. Он с первого появления на сцене завоевывает симпатии зрителей». (Харьков).

«Колоритен образ колхозного чабана в своеобразном исполнении артиста И. Лапикова. Нашему зрителю много раз приходилось видеть на сцене стариков: нам правило, они мало чем отличались друг от друга. Артист Лапиков нашел свой ключ — он не в театральности, а в достоверности образа». (Ростов).

Были новые спектакли и новые работы — не крупные по масштабности роли, но тем сложнее было артисту. Он играл строителей, колхозников, сыграл даже Паулуса в одной пьесе о Сталинградской битве. И этого его Паулуса я тоже запомнил до сих пор: полутемная сцена, последний день января, подвал университета и скоморошный немецкий фельдмаршал — его сутулые плечи, серое лицо, застывший, обреченный взгляд. Это был тоже эпизодический образ, но он стоит перед глазами еще и сейчас, и не у одного меня, у многих волгоградцев, видевших тогда Лапикова совсем в необычной для него роли.

Потом Лапикова стали почему-то занимать реже: уехал в Воронеж Фирс Ефимович, умер сменивший его Николай Александрович Покровский. В театре произошли перемены.

Однажды я увидел Лапикова на берегу Волги, одетым в солдатскую форму. Он стоял и курил дешевую сигаретку рядом с другим «эпизодическим» артистом своего театра — Иннокентием Смонтуновским. Снимался фильм «Солдаты». Смонтуновский сыграл в нем Фарбера и прочно войдет в искусство. Время Лапикова было еще впереди.

Между тем сезон от сезона складывался в театре так, что Лапикову почти ничего было играть. Кое-кто из блиставших тогда исполнителей главных ролей поговаривал: Лапиков достиг потолка, все, что мог, он сделал, но диапазон его ролей узок, и, естественно, начался актерский спад, тупик. Выводы делали безапелляционно: чу-

жой творческой судьбе проще простого вынести приговор. «Узок диапазон» — и все. И сиди без ролей или уходи.

Немудрено было надломиться, дрогнуть. Только вера в свои силы могла спасти да верные товарищи. Однажды в начале шестидесятых годов мы увиделись в редакции в Волгограде. Лицо у Лапикова — худое и сухое — совсем осунулось. Он нервно курил, но не показывал ни своей расстроенности, ни озабоченности. Но было видно, что думает он об одном: как же быть дальше? Судьба складывалась сложно.

Потом встретились на шумной улице. Остановил, взволнованный, куда-то спешащий:

— Еду в Москву.

— В командировку?

— Нет. На свой страх и риск. — И блеснул беспокойным, но по-прежнему добрым и пристальными, умными глазами.

Спустя некоторое время снова случайная встреча в городе. У меня невольно что-то дрогнуло в душе: неужели неудача? Но он долго смотрел своим знакомым, останавливающимся взглядом, вздохнул:

— Снимаюсь. А про остальное, что было, долго рассказывать. Теперь снимаюсь. Две серии. Брата председателя сыграю в сценарии Нагибина. Что выйдет? — И замолчал.

А вскоре мы увидели «Председателя», и о Лапикове дружно стали писать, что редко встречается в искусстве такой артист, к которому настоящая, большая, прочная слава приходит после одной удачно исполненной роли.

Только он один знал, что стоил путь к этой «одной, удачно исполненной роли» Семена Трубникова.

— Я этих Семенов видал и перевидал в жизни, — скажет он в одной беседе с кинокритами и задумается.

И, наконец, перед его глазами встанет обдуваемый всеми ветрами крестьянский отцовский дом на полевном берегу, и вся жизнь лапиковской семьи, в том числе и собственная.

Вышел из съемочного павильона энергичный, возбужденный — в кожанке, стоптанных сапогах, старой гимнастерке (играл чекиста). Иван Лапиков... Заслуженный артист РСФСР...

Потом, после восторженных воспоминаний о городе, театре, о судьбах знакомых людей, спросил совсем тихо:

— Ну, а Волга? то как живет?

И надолго задумался, замолчал. Прошавшись, сказал:

— Корни мои там. Балыклей, тракторный, Волга...

Виктор ДРОБОВ. Волгоград — Москва.